

© 2002 г. А.П. РОМАНЕНКО

## СОВЕТСКАЯ СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

### ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Под словесной культурой понимается, во-первых, языковая жизнь общества как часть его культуры. Она имеет дело с фактами культуры, которые, в отличие от других, представляют собой либо правило, либо прецедент, являются уникальными и имеют свои хронотопы [Рождественский 1996а: 13]. Другими словами, словесная культура – это система нормативов, по которым строится языковая жизнь общества. Во-вторых, словесная культура – это те общие принципы, которые лежат в организации и языка, и речи, и языковой личности, и словесности, и филологических описаний – всей языковой жизни общества. Эти общие принципы задаются культурой общества.

Очень близко этому содержанию понятие словесности Ю.В. Рождественского, но оно более строго сформулировано и несколько уже [Рождественский 1996б]. Близко и понятие речевой культуры В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротининой [Гольдин, Сиротинина 1997], но оно не включает в себя свойств "общности" и "нормативности" рассматриваемых фактов. Кроме этого, разработанная авторами типология речевых культур относится, в основном, к современному обществу и не учитывает специфику общества советского.

Советская словесная культура имеет собственную историю изучения, то есть обладает рефлексией. Однако эта рефлексия довольно своеобразна: она, являясь частью словесной культуры, соответствует периодизации ее истории, коррелирует с советскими культурно-историческими нормативами, даже абстрагируясь (на последних этапах советской истории) от них.

Отсюда двоякая задача настоящей статьи: описать историю изучения советской словесной культуры (обзорно-справочный аспект) и выявить зависимость этой истории от культуры, другими словами, показать взаимодействия и соответствия советской общественно-языковой практики и теории языка (историко-лингвистический аспект).

Как правило, описания советской словесной культуры делят на апологетические и критические. В этом есть смысл, но есть и много неясного и неопределенного. Во-первых, трудно провести четкое деление множества исследований, и вряд ли разумно пытаться выявить в этих исследованиях соотношение апологетического и критического. Во-вторых, такой подход неисторичен, так как оценка научных работ часто сводится к оценке личности ученого.

Попробуем взглянуть на проблему иначе: с учетом культурного детерминизма. Ведь наука (не только прикладная, но и теоретическая) зависит от практики. Филология и лингвистика также зависят от потребностей общественно-языковой практики. И теория, и практика науки обусловлены культурой как системой прецедентов и правил. Поэтому в основу периодизации истории вопроса положим периодизацию истории советской словесной культуры.

Периодизация истории советской словесной культуры, может быть проведена с учетом трех аспектов речи: этоса, пафоса и логоса (условий коммуникации, источника смысла речи, стиля речи). При таком подходе эта история предстает как чередование рефлексии / нерефлексии слова [Романенко 2000: 194–195]. Разумеется, с этим свойством культуры непосредственно связана и история ее изучения, ее самоанализ, самоидентификация.

Можно выделить пять периодов истории советской словесной культуры и ее изучения. Оговоримся, что временные границы между периодами очень условны, их нельзя понимать буквально. То же, впрочем, можно сказать и о других параметрах периодизации. Нельзя понимать нерефлексивность как абсолютное отсутствие описаний словесной культуры: научные традиции имеют и свои имманентные закономерности развития.

**1 период** – 20-е годы, время рождения культуры. Этос периода определяется устно-ораторическими условиями коммуникации и неграмотностью аудитории (масс); вождем, лидером, риторическим и этическим идеалом является Ленин. Пафос периода носит критически-разрушительный характер. Логос представляет собой языковой стандарт, ориентированный на ораторику ("язык революционной эпохи"). Период характеризуется очень активной филологической и семиотической рефлексивностью: рожающаяся культура нуждается в самосознании.

**2 период** – 30–50-е годы, время установления и стабилизации норм культуры. Этос периода определяется письменно-документальными условиями коммуникации и относительной грамотностью аудитории (масс); вождем, лидером, риторическим и этическим идеалом периода является Сталин. Пафос периода носит созидательно-апологетический характер. Логос – языковой стандарт, ориентированный на документ ("новояз", "канцелярит"). Период характеризуется отсутствием филологической и семиотической рефлексии.

**3 период** – 60-е годы, время отрицания предыдущего периода ("культ личности") и возрождения 1-го ("возврат к ленинским нормам"). Этос периода – массовая коммуникация (к массовой печати прибавляется радиовещание и телевидение) с довольно полной включенностью массовой аудитории в эту систему. Вождь, лидер, риторический и этический идеал – Хрущев. Пафос периода можно определить как критически-разоблачительный. Логос периода – языковой стандарт с ориентацией на ораторику массовой информации. Филологическая и семиотическая рефлексивность активна, но не достигает степени активности 20-х годов.

**4 период** – 70-е – первая половина 80-х годов ("застой"). Этос периода – массовая коммуникация со все усиливающейся ритуализацией и условий общения, и речевых действий раторов и аудитории. Вождь, лидер, риторический и этический идеал (тоже ритуализованный) – Брежнев. Пафос периода – апологетически-созидательный. Логос характеризуется ориентацией языкового стандарта на документ, ораторские формы речи ритуализуются (лозунги, призывы, обращения). Рефлексивность слова нерелевантна, ее формы ритуализованы.

**5 период** – вторая половина 80-х–90-е годы ("перестройка"), период, границы которого определить затруднительно. Это время умирания культуры, хотя о полном исчезновении ее норм говорить не приходится. Этос периода – массовая коммуникация с явным преобладанием устно-разговорных условий общения и с высокой степенью включенности аудитории в эту коммуникацию. Вождь, лидер, риторический и этический идеал – Горбачев, затем Ельцин. Пафос периода носит критически-разоблачительно-разрушительный характер. Логос – разрушающийся языковой стандарт с ориентацией на устно-разговорную стихию. Филологическая и семантическая рефлексивность не только достигает уровня 1-го периода, но и значительно превосходит его.

Перейдем к характеристике отечественного изучения советской словесной культуры в связи с предложенной периодизацией.

**Первый период: 20-е годы.** Словесная культура этого времени получает всестороннее описание. Языковые и речевые особенности хорошо заметны и для носителей, и для исследователей-филологов. Эти новые черты словесной культуры сразу же становятся предметом филологической рефлексии [Баранников 1919; Горнфельд 1922; Черных 1923; 1929; Делерт 1924; Габо 1924; Пешковский 1925; Щерба 1925; Винокур 1923; 1925; 1928а; 1928б; Селищев 1968а; 1968в (1925); 1968б (1927); 1928; Шор 1926; Поливанов 1927; 1928; 1931; Ларин 1928; Успенский 1928; Шпильрейн 1929 и др.]. Предпринимаются и попытки лексикографической кодификации советских сокращений, символов революционного языка, по выражению Л.В. Щербы (например, "Словарь советских терминов" под редакцией П.Х. Спасского [Словарь 1924]). Обзоры некоторых из этих работ см., например [Кожин 1963; Протченко 1975; Мещерский 1981; Сковрцов 1987]. Особой значимостью (как по анализу материала, так и по постановке теоретических проблем), на наш взгляд, обладают работы А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова, Г.О. Винокура (их разберем подробнее ниже).

Кроме описаний новых черт языковой и речевой жизни всего общества, исследуются особенности речи отдельных классов речевого коллектива. Речь масс: рабочих [Суворовский 1926; Данилов 1929], рабочих подростков [Добромыслов 1932], крестьян [Меромский 1930], красноармейцев [Шпильрейн и др. 1928], уголовников (см. литературу по этому вопросу и работы Д.С. Лихачева [Лихачев 1993]), школьников [Капорский 1927; Лупова 1927] и т.п. Речь ратора-вождя: сразу после смерти Ленина вышел номер журнала ЛЕФ со статьями о стилистике и риторике его речи (значит, материал собирался и анализировался еще при жизни Ленина) [Эйхенбаум 1924; Якубинский 1924; Казанский 1924 и др. (см. также [Финкель 1925; Якубинский 1926])].

Исследуются и функциональные разновидности языка и словесности: язык газеты ([Винокур 1925; Гус и др. 1926], см. об этом [Костомаров 1971]); деловая речь [Гус 1929; 1931; Верховской 1930]; речь поэтическая (см. об этом [Леонтьев 1968]); искусственные международные языки как функциональные части советской словесной культуры [Дрезен 1928; 1933; Рево 1933 и др.].

Помимо исследований по лингвистике и поэтике актуализируется и развивается риторическая проблематика (см. литературу по этому вопросу [Сычев 1995]). Риторическая практика требует как практических руководств (например [Миртов 1924; 1927; 1930], так и теоретического осмысления (например [Гофман 1932; 1935а; 1935б]). Риторика разрабатывается не только для ораторики (об этом см. [Граудина, Миськевич 1989]), но и для практической деловой речи в составе деятельности по рационализации управления и делопроизводства [Корицкий и др. 1990]. Риторика как теория современной прозы начинает осмысливаться теоретической филологией. В.В. Виноградов в книге "О художественной прозе" (1930 г.) отмечает интерес отечественных филологов и философов (Г.О. Винокура, Н.И. Жинкина, Г.Г. Шпета) к "риторическим формам речи", говорит о формировании (в первую очередь в западной лингвистике) новой риторики как теории убеждающей речи разных сфер (деловой, бытовой и др.), дает образцы риторического анализа произведений речи [Виноградов 1980: 55–175].

Рефлексивная деятельность общества не ограничивается словесной культурой, она носит общесемиотический характер. Активно изучаются и нормируются новые советские ритуалы [Глебкий 1998], разрабатываются теоретические основания изобразительного искусства (например, работы К. Малевича, П. Филонова).

Книга А.М. Селищева "Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)" [Селищев 1928] уникальна в истории отечественной русистики: она всеохватна и в то же время, думаем, еще недостаточно оценена. Она описывает не только и не столько язык и имеет не строго лингвистический

характер, за что ее и критиковали (см. рецензии: [Винокур 1928а; Ольгин 1928; Поливанов 1928; Лобов 1928; Георгиади 1929; Рожанский 1935]). Автором рассматриваются источники языка, его носители, речь, особенности условий коммуникации и речемыслительной деятельности говорящих, некоторые черты словесности, а свое исследование характеризует как "результаты (...) наблюдений над языковой деятельностью в связи с событиями и обстоятельствами периода 1917–1926 гг. (...) Цель работы – осветить различные стороны языковых переживаний последний лет" (с. 3). А.М. Селищев не случайно употребляет для объяснения характера своего труда неопределенные и нетерминированные выражения "*языковая деятельность*", "*языковые переживания*". Он описывает не только языковые изменения, но новую формирующуюся словесную культуру как систему прецедентов, норм, правил связи языка с мыслительной и социально-практической деятельностью носителей, норм обращения с языком, норм, имеющих культуросозидающий характер.

Такая особенность исследования проявляется в его структуре и в составе теоретических понятий. За исключением первого (теоретическое введение) и шестого разделов (изменение значения слов), более или менее лингвистических, остальные разделы (их 7) имеют речеведческий характер. После общей характеристики "языковой деятельности революционного времени" описываются коммуникативная, эмоционально-экспрессивная и номинативная функции "речи".

А.М. Селищев описывает именно эти функции, опуская эстетическую, так как видит предмет исследования не в поэзии, художественной словесности, а в прозе, словесности нехудожественной (с. 9). Г.О. Винокур как лингвист в своей рецензии усомнился в правомерности выделения такого состава функций языка [Винокур 1928а], не принимая во внимание "филологичности" подхода исследователя. У А.М. Селищева это функции *речи*, а не языка, их состав определен описываемой общественно-речевой практикой, а не теорией языка.

Описание базируется на анализе речи определенной группы носителей – деятелей (партийных и советских) революции (то есть риторов – А.Р.) с учетом условий общения. И только после этого характеризуются "языковые новшества" в речи других носителей, представителей масс: рабочих, крестьян, представителей национальных меньшинств. Подчеркнем, что в качестве основной для советской словесной культуры автором избирается публичная сфера общения. Поэтому источником исследования стали в основном пресса, документы, ораторская проза. Этот выбор оправдан филологическим характером описания (анализ этоса, пафоса и логоса официальной речи), с лингвистической же точки зрения он выглядит сомнительным. Поэтому Б.А. Ларин писал: «Большинство фактов, приводимых в отдельных параграфах книги, относится к литературному (книжному) языку, некоторая часть относится к литературной разговорной речи, кое-что наблюдается и во внелитературных говорах, но не только городских, а и деревенских. (...) Относительно мало в книге непосредственных наблюдений и записей. Преобладает "книжный" материал, особенно беллетристический, без минимальной и совершенно необходимой критики источников. Для автора кроме литературного языка и крестьянских диалектов нет никакой третьей категории языковых явлений» [Ларин 1928: 73]. С подобных же лингвистических позиций критиковал А.М. Селищева и Г.О. Винокур: «Книга эта написана в манере столь крайнего и ригористического эмпиризма, что значение ее, собственно, и исчерпывается тем, что она есть "собрание" соответствующих "материалов". От научного труда, тем более труда лингвистического, мы вправе требовать большего. (...) книга его превращается в своего рода сборник материала по отклонениям от старого русского литературного языка за время революции, (...) сам язык революции как обладающий собственным содержанием культурный феномен совершенно ускользает от его исследовательского понимания» [Винокур 1928а: 182–183] (кстати, сводить методологическое по сути противостояние А.М. Селищева и Г.О. Винокура к европейскому вопросу, как это сделал М.П. Одесский [Одесский 1999], несерьезно: масштаб этих фигур иной).

Критика Б.А. Ларина и Г.О. Винокура в высшей степени лингвистична и не учитывает преимущественно филологическую, речеведческую задачу работы А.М. Селищева: выделить наиболее представительную сферу современной общественной-речевой практики ("языковой деятельности") и описать речь наиболее авторитетных, влияющих на формирование языковой жизни общества, носителей (риторов). Их этос оказывает влияние на речь других носителей, на речь масс и тем самым определяет "языковые новшества" эпохи.

Вот почему А.М. Селищев довольно подробно описывает происхождение революционных деятелей, условия их деятельности, общественный статус, формы и методы партийной и советской жизни. "Язык революционной эпохи" (и его пафос – источник смысла и его логос – стиль) формируется именно в этой среде, в этих условиях коммуникации, этими носителями (риторами), в этом этосе. Другие члены языкового коллектива, массы, рабочие и крестьяне тоже вовлекаются (не обязательно принудительно) в этот этос, чем и определяется новая специфика их речи. "Данные, собранные мною, – оговаривает автор, – характеризуют не обыденную речь рабочих, а ту речь, какой пользуются они в моменты обсуждения вопросов общественно-экономической и политической жизни. И еще одно ограничение. Эти данные относятся к речи **активных** (выделено автором. – А.Р.) рабочих. Речь пассивных членов рабочей среды представляет меньше новых черт, связанных с явлениями революционного времени" (с. 198). "Активные рабочие" – это формирующиеся из масс риторы, вторые по значимости информанты для изучения "языка революционной эпохи". В более поздней работе "О языке современной деревни" (1939 г.) проводится подобная дифференциация и для крестьянских информантов: выделяются "активисты" [Селищев 1968а: 428–486].

Рассмотрим характер, состав, подачу и анализ материала в книге. На первый взгляд, описывается, как и в большинстве работ 20-х годов на эту тему, лишь новая лексика. Однако у А.М. Селищева имеется и дополнительная информация. Слова приводятся в составе обширных контекстов, это не только фразы, но и выдержки из текстов. Кроме отдельных слов и выражений, анализируются функции некоторых текстообразующих оборотов, клаузул: "Так полагается кончать речь на торжественных собраниях" (с. 132). Уделяется внимание построению некоторых характерных для словесной культуры жанровых форм, например, "катехизисной форме" (с. 132–133). Помимо выдержек из газетных, ораторских, документных текстов привлекаются (в качестве вторичных источников) фрагменты художественных, а именно сатирических (рассказы М. Зощенко, М. Колосова) произведений, изображающих современную речь. Привлекаются и суждения о речи самих носителей – журналистов, партийных работников. С помощью таких средств рисуется выразительная картина, создается образ новой речи.

Такой образ создается и продуманным составом примеров: они подаются либо по одному, комментируя и иллюстрируя авторское суждение, либо группой, которая в определенном контексте книги несет информацию именно об образе речи. При этом А.М. Селищев выделяет специфически "советские" слова курсивом, что дает возможность видеть их как цельное множество. При обращении к их контекстам возникает представление и о синтаксическом своеобразии новой речи. Приведем пример. Второй раздел книги "Общий характер языковой деятельности революционного времени" является своеобразным рефератом остальной части книги (он занимает всего пять страниц). Тезисные положения этого раздела развиваются в последующих частях книги. И приводимые в нем примеры явно отобраны как ключевые слова, наиболее характерные для эпохи. Приведем эти примеры списком: *массовки; конференции; пленумы; коллегии; бюро; ячейки; кампании; безоговорочное выполнение директив, идущих от центра, от верхушки; культработа; штамп; командные высоты; партийная и советская среда; тезисы; лозунги; хищники империализма; даешь повышение производительности труда; диспропорция; режим экономии; увязка; смычка; международное положение; активист; трескотня;*

говорильня; на местах; Октябрь (с. 23–27). Этот перечень дает, безусловно, образ речи в контексте культуры. С одной стороны, этот образ обращен к политическому ораторству, с другой – к канцелярии. Дихотомия "ораторская – канцелярская стихия" получает развитие в дальнейшем описании. Кроме этого, приведенные примеры описывают и этос, и пафос, и логос культуры.

Образ речи создается также включением примеров (и даже выдержек из текстов) в авторское повествование, например (слова выделены нами. – А.Р.): *"Отсюда, с этих командных высот и от их блюстителей – от верхушки, исходят руководящие указания, диктуются директивы. Многочисленные представители партийных организаций, партаппарат, низовые организации проводят в жизнь те или иные указания, идущие из центра. Руководящие указания центра внимательно изучаются, прорабатываются на местах (...) При проработке тех или иных директив центра деятельное участие должен принимать местный аппарат. Вопросы обсуждаются во многотысячных ячейках, на бюро, на пленумах. Термины директивы, аппарат, бюро, пленум (...) в общем употреблении и в непартийной среде"* (с. 98–99). Такой прием хорошо известен в отечественной филологии, он позволяет создавать не только образ новой лексики и речи, но и речемыслительной деятельности.

Таков материал исследования. Теперь рассмотрим его анализ, развивающий информацию, содержащуюся в примерах.

Описывая "коммуникативную функцию речи", А.М. Селищев называет источники, стилистические ресурсы "языка революционной эпохи": варваризмы, канцеляризмы, партийная и военная терминология, вулгаризмы.

Иноязычные элементы описаны очень подробно, при этом отмечаются два момента. Во-первых, варваризмы органичны в речи революционеров (учитывая историю социал-демократического движения и интеллигентское происхождение риториков). Но при употреблении в речи широких малообразованных слоев партийных и советских работников они становятся речевой помехой при общении с массами. Возникает реальная опасность непонимания ритором массами. Отсюда борьба с злоупотреблением варваризмами. А.М. Селищев приводит высказывания авторитетных деятелей по этому поводу. Во-вторых, широкое употребление варваризмов способствует канцеляризации и шаблонизации языка.

Другой стилистический источник современной речи – канцеляризмы. А.М. Селищев объясняет их распространение большой значимостью для советской культуры этой сферы функционирования речи – "воздействие всевозможных канцелярий" (с. 59). Для речи Ленина, отмечает автор, характерно "ироническое значение" этих элементов, хотя и его тексты несвободны от них (с. 60–61). Другие же примеры, в частности из советских газет, свидетельствуют о том, что канцелярская стилистика становится почти нормой общения (с. 60–62).

Еще один источник – термины партийной жизни, работы. Поскольку партия выполняет управленческие функции, функции канцелярии, данная терминология канцеляризуется и шаблонизируется, что касается даже терминов "для проведения пропаганды" (с. 102). А.М. Селищев описывает этот материал в параграфе "Партия. Отражение ее программы и деятельности в языке" (с. 97–116). Здесь, по существу, разбирается источник смысла советской словесности, пафос, и его речевое воплощение.

Подобное же (смыслообразующее) значение имеет другой важный источник – военная терминология: "Эти термины обусловлены самим характером программной деятельности революционеров" (с. 85). Из сферы революционного ораторства эта терминология перешла практически во все области жизни советского общества: "Военные элементы соответствующим образом отразились в языке. Термины военной жизни, военного строя, режима стали употребляться часто не только для явлений партийной, общественной и культурной жизни. Эти термины нашли себе широкое

применение за пределами военщины" (с. 87). Данный источник, как и другие, подвержен оканцеляриванию и шаблонизации.

Последний из наиболее значимых источников – вульгаризмы. А.М. Селищев отмечает серьезную "склонность коммунистических деятелей к крепким словам и выражениям" (с. 69) и приводит большие списки вульгаризмов и примеров их использования в речи (от Ленина до рядовых коммунистов). В речи революционеров эти средства использовались, в основном, для оценочного обозначения врагов. Кроме того, брань имела и фактическое значение: "Вращаясь в среде широких масс населения, революционеры употребляют крепкие словечки и выразительные сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города" (с. 69). В массовой аудитории подобные риторические средства революционеров получили отзыв: "Эта манера находит себе широкое распространение в советской общественности, в особенности в молодом поколении" (с. 68), которое даже склонно было видеть в этом элементы "пролетарского языка" (с. 80). Вульгаризмы, как и прочие источники, шаблонизировались, теряя экспрессию. Заметим, что этот источник характеризует, по А.М. Селищеву, и этос, и пафос, и логос советской словесной культуры.

В разделе об эмоционально-экспрессивной функции речи анализ примеров свидетельствует, главным образом, о все той же шаблонизации языковых средств. Появляется множество постоянных эпитетов, в которых первоначальная образность исчезает (например, *красный, железный, стальной, беспощадный* и т.п.). Это обычный языковой процесс, но на фоне тотальной канцеляризации языка он приобретает особую значимость. Большинство же выразительных элементов становятся настоящими канцеляризмами, что показывается материалом (с. 134–146).

В разделе о номинативной функции особое внимание обращено на сокращенные слова. Подбором примеров и оценок этого явления современниками показана связь активизации аббревиации с канцеляризацией языка. Говорится и об обеспокоенности этими явлениями (в связи с опасностью взаимного непонимания риториков и масс) власти: "На необходимость устранения сокращения указывала и комиссия по усилению борьбы с бюрократизмом" (с. 168).

Подведем итоги разбора. Исследование А.М. Селищева носит не ортодоксально лингвистический, а филологический характер, поскольку предмет описания не только язык, но словесная культура как единства этоса, пафоса и логоса. Поэтому лингвистическая критика этого труда не может быть совершенно корректной.

Материал и его анализ в работе вполне отвечают предмету и задачам исследования. Автор не использует лингвистическую догматику для описания материала, он создает образ новой словесной культуры с помощью филологического и лингвистического инструментария. У А.М. Селищева нет теории, он работает интуитивно, не имея прецедентов. Но выбирает он этот путь не случайно: новый, небывалый материал адекватно не описывается в традиционно-лингвистических категориях. Поэтому в характере его работы нужно видеть скорее не недостатки, а достоинства.

Созданный образ новой речи и речевой деятельности (и социальной, и мыслительной) показывает специфические черты советской словесной культуры: тотальную канцеляризацию, в результате которой ораторическая стихия, присущая "языку революционной эпохи", шаблонизируется и ритуализируется. Этот процесс охватывает этос, пафос и логос словесной культуры и языковой личности. Словесная культура, по А.М. Селищеву, не может быть относительно адекватно описана без обращения к языковой личности, поэтому так много внимания в книге уделено носителям языка и культуры.

И наконец, о пафосе самого исследования. М.П. Одесский считает: "По Селищеву, воздействие социального катаклизма сводится преимущественно к деградации, к разрушению" [Одесский 1999: 388]. По нашему мнению, книга не дает оснований для такого утверждения. "Социальный катаклизм", революционная культура носила именно разрушительный характер, и, разумеется, это проявилось в языке. А.М. Селищев это хорошо видел. Но также он видел и элементы послереволюционного

созидания. В своем же описании от оценок по поводу приводимых фактов он воздерживался. Единственное, что осложняет объективистскую модальность книги, это легкая ирония автора, выраженная, впрочем, имплицитно.

Чрезвычайно значимы для истории вопроса разбираемого периода работы Е.Д. Поливанова: [Поливанов 1927; 1928; 1931], статьи о современном языке и марксистском языкознании, перепечатанные в посмертном сборнике его трудов [Поливанов 1968], "Толковый терминологический словарь по лингвистике" (1935–1937) [Поливанов 1991: 317–506]. У Е.Д. Поливанова нет целостного описания нового материала, но он разработал принципы и понятия теории нового языкового стандарта, что в определенной степени восполняет теоретическую недостаточность труда А.М. Селищева. Кроме того, нормализаторская деятельность Е.Д. Поливанова носила не эмпирический, а теоретический характер и потому, что ученый не был русистом и работал преимущественно с неиндоевропейским материалом (что не помешало марристам называть его индоевропейцем [Романенко 2001: 113–114]). Ученых различала и исследовательская позиция: А.М. Селищев – наблюдатель, Е.Д. Поливанов, кроме этого, преобразователь (в соответствии со взглядами своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ). Е.Д. Поливанов был активным деятелем революции и убежденным марксистом [Романенко 2001: 111].

Е.Д. Поливанов, как и А.М. Селищев, "увидел" новизну советского языкового стандарта ("языка революционной эпохи", по А.М. Селищеву) и указал его отличия от дореволюционного языкового стандарта [Поливанов 1968: 233]. Вместе с тем он, в отличие от А.М. Селищева, "видел" и связи нового стандарта (носителями которого были, в основном, российские революционеры) со стандартом предшествующей эпохи (носителями которого были, в основном, русские интеллигенты, предшественники революционеров) [Поливанов 1968: 213]. Эти связи определялись, прежде всего, двуязычным характером языкового мышления, присущего интеллигенции как классу речедеятелей [Поливанов 1968: 217]. "Видел" он и отличия этого стандарта ("языки революционной эпохи") от идущего ему на смену второго, с другим "субстратом" – составом носителей – "пионерско-комсомольским поколением" [Поливанов 1968: 190]. Е.Д. Поливанов подробно охарактеризовал состав новых источников этого нового, второго стандарта (в дополнение указанной А.М. Селищевым партийной словесностью): «...в стандартный словарь проникают элементы следующих классовых и профессиональных диалектов:

- 1) словаря фабрично-заводских рабочих;
- 2) матросского словаря (что не трудно себе объяснить, если мы вспомним ту роль проводников революции, которую сыграла "морская братва" в самой толще нашего, главным образом провинциального, населения);
- 3) "блатного" жаргона людей темных профессий (сюда относятся, например, *липа* и прилагательное *липовый*, глаголы *хрять*, *зекать* [слова выделены автором. – А.Р.] и т.д., которые сейчас далеко вышли за первоначальный круг их носителей).

Вот тот перечень, который можно сделать по моим наблюдениям; весьма возможно, что его следует и расширить. Но во всяком случае большинство новшеств данного порядка (заимствований из классовых и профессиональных диалектов) волеется в вышеуказанные рубрики» [Поливанов 1968: 194].

В этом перечне нет рубрики "крестьянские диалекты", хотя в составе данного "субстрата" комсомольцы из крестьян занимали значительное место. Но Е.Д. Поливанов не ошибся: с 30-х годов начинает утверждаться взгляд на территориальные диалекты как на порчу литературного языка. Этот взгляд активно пропагандируется и ведет к борьбе с диалектами.

Е.Д. Поливанов социолингвистически и теоретически обосновал нормализаторский процесс, называемый "упрощением" языка [Романенко 2000: 154–157]. При этом он коснулся всех лингвистических сторон процесса: письма [Поливанов 1968: 257], словаря [Поливанов 1968: 229], грамматики – активизации аббревиации [Поливанов 1991: 318–319]. Последнее явление оценивалось ученым как подлинно революционное



по времени и по культурному значению. О советской аббревиации Е.Д. Поливанов сочувственно, как о прогрессивном явлении писал во многих теоретических статьях, в соответствующей статье "Литературной энциклопедии" (Т. 1. М., 1930, стб. 9), в статье, открывающей его опубликованный лишь в 1991 году "Толковый терминологический словарь по лингвистике" (заметим, что в "Грамматическом словаре" Н.Н. Дурново такой статьи нет вообще).

В своем терминологическом словаре, как и в других работах, Е.Д. Поливанов писал и о так называемой "марксистской лингвистике". Эта тема занимает особое положение в творчестве ученого, это было лингвофилософское обоснование новой советской словесной культуры, противопоставленное лингвофилософской концепции Н.Я. Марра [Романенко 2001].

Нельзя особо не сказать о работах Г.О. Винокура. Некоторые из них носили сугубо нормативный характер, автор в большей степени, чем Е.Д. Поливанов, выступал в амплуа преобразователя-практика и нормализатора языка и риторики [Винокур 1923; 1925]. Особое внимание Г.О. Винокур уделял шаблонизации речи в связи с риторической проблемой действенности слова. Разбирая советские лозунги, Г.О. Винокур говорил, что штамп формы ведет к штампу содержания, делает недейственным этот жанр (как, впрочем, и другие): «Нельзя отделяться словами: "то была эпоха военного коммунизма, а теперь эпоха нэпа". Во-первых, не надо так увлекаться, не надо до бесчувствия повторять: "военный", "военный коммунизм". Что же это, как не мышление штампами? Наклеили люди ярлычок: "военный коммунизм" – и успокоились. А когда приходится подумать, то к этому ярлыку в качестве утешающего сомнения средства и апеллируют: сказано ведь – "военный коммунизм" – чего уж тут беспокоиться; теперь "эпоха нэпа" – ничего не попишешь. И именно то обстоятельство, что "военный коммунизм" (...) вовсе не был только военным – к чему привыкли любители ярлычковой фразеологии – самым блестящим и полным образом иллюстрирует утверждение о том, что неощущаемая форма делает невозможным и реальное ощущение содержания» [Винокур 1923: 114]. Г.О. Винокур был прав, критикуя подобным образом советскую ораторику. Но он не увидел, как увидел А.М. Селищев, тотальности шаблонизации советской словесности, ее канцеляризации, в результате которой советская ораторика становилась документом, теряя свою стилистику. А документ имеет другой характер действенности – это действенность именно штампа.

В более поздней работе "Глагол или имя?" Г.О. Винокур обратился к проблеме шаблонизации и канцеляризации языка с целью прояснить ее характер и причины [Винокур 1928б]. Для анализа и стилистической интерпретации было выбрано явление лавинообразного распространения в современной речи отглагольно-именных конструкций вместо глагольных форм. Это явление, по Г.О. Винокуру, относится "к продуктам канцелярского стиля" [Винокур 1928б: 75]. Задачу своего исследования автор формулирует следующим образом: "если в языке в известных случаях наблюдается стремление освободиться от семантического груза глагольности, то какие стилистические условия порождают и поддерживают это стремление?" [Винокур 1928б: 87]. Ответ на этот вопрос дается не социолингвистический, а риторический: стилистические условия определяются функциональной уместностью: «Невыносимы, разумеется, "сверх-клише", насквозь проштампованный язык какой-либо канцелярской бумаги, где штампуются вовсе не то, что нужно, но все же и эти утрированные случаи находят себе, по крайней мере, естественное объяснение в потребности "выдержать стиль". (...) Все дело лишь в том, чтобы эти штампы действительно стояли там, где нужно, чтобы приятельская беседа не велась в штампах терминологических, а в научном сочинении – не фигурировали штампы застольной болтовни» [Винокур 1928б: 91–92]. В заключение статьи Г.О. Винокур обращается к волнующей его проблеме действенности ораторики. В ораторской речи, говорит он, условий для штампов нет, не должно быть. Ведь иначе речь теряет действенность: "риторические по преимуществу задания ораторской речи и препятствуют существенно устранению

глагольности, поскольку глагол есть категория конкретного действия и может быть противопоставлен в этом отношении всегда возникающим из абстракции глагольным именам" [Винокур 1928б: 92]. "Убеждают не термином, – все равно научным или канцелярским, – а только живым примером" [Винокур 1928б: 93]. Но практика советской словесной культуры была иной: ее ораторика функционировала как документ и стилистически приближалась к нему. Г.О. Винокур не мог этого не замечать, а также того, что такая ораторика не теряла действенности. Ответ этому он нашел также лингвостилистический: в качестве примера компенсации "нагромождения отглагольных слов" повторяющимися эпитетами, сохраняющими действенность и убедительность ораторской речи, он привел фразу (слова выделены автором. – А.Р.): *"Наша промышленность вступила в такую фазу развития, когда серьезный рост производительности труда и систематическое снижение себестоимости промышленной продукции становится невозможным без применения новой, лучшей техники, без применения новой, лучшей организации труда"* [Винокур 1928б: 93]. Разумеется, сомнительно, чтобы повторяющийся эпитет *лучший* придавал этой фразе убедительность и действенность, был "живым примером". Действенность этой фразы обеспечена документно: этосом (это фраза Сталина), пафосом (ее смысл соответствует партийным документам), логосом (канцелярским стилем, штампами). Документная действенность не уступает в эффективности ораторической, хотя реализуется другими средствами. Как видно из приведенного примера, силу этой действенности испытал на себе и Г.О. Винокур.

"Язык революционной эпохи", выросший из ораторики, стремительно оканцелярировался. Наиболее авторитетные и значимые свидетельства этого – работы А.М. Селищева и Г.О. Винокура.

**Второй период: 30 – 50-е годы.** Нельзя говорить об абсолютной филологической нерелексивности этого культурного периода. Она относительна и касается прежде всего объективистских, собственно научных самоописаний культуры. Нормативные же описания были необходимы, поскольку это было время установления норм словесной культуры и в первую очередь языка.

"Толковый словарь русского языка" в 4-х томах под редакций Д.Н. Ушакова (М., 1935–1940) и имел целью "отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов" [Толковый словарь 1996. Т. I: IX–X]. Этот словарь во многом – продукт культуры предыдущего периода, но отразил он в качестве нового материала черты не "языка революционной эпохи", а пришедшего ему на смену языкового стандарта, впоследствии получившего названия "канцелярита" и "новояза".

Вслед за этим словарем и во многом на его основе вышел однотомный нормативный словарь С.И. Ожегова, одного из составителей четырехтомного словаря [Словарь 1949]. Правда, особую популярность этот словарь получил уже в следующем периоде истории советской культуры. Работы С.И. Ожегова 50-х годов о русском языке советской эпохи принадлежат уже следующему периоду.

Типичным примером нормативного руководства по словесной культуре для массового читателя является "Введение в стилистику" М.А. Рыбниковой [Рыбникова 1937]. Современный материал в книге занимает значительно меньше места, чем исторический, и это тоже не факты "языка революционной эпохи" (о А.М. Селищеве не упоминается).

Этим самописание советской словесной культуры второго периода, в общем-то, и ограничивается. Такие факты, как работы о языке современной колхозной деревни [Чистяков 1935; Селищев 1968(1939): 428–486 и др.], о языке Ленина [Рыт 1936; Якубинский 1931 и др.] – это, скорее, филологические традиции предыдущего периода, не потерявшие политической и культурной уместности.

Аналитических исследований современной словесной культуры даже в таких традиционных направлениях, как лексикология, язык современной литературы, история литературного языка не было. При этом активно исследовался разнородный материал: история и современное состояние "чужих" языков, история русского языка и литературы. В.В. Виноградов уже в 1959 году констатировал факт отказа филологов от исследования материала советской словесности: "Однако, как это ни покажется парадоксальным, многим нашим филологам представлялась стилистическая почва русской классической литературы XIX в. более твердой и удобной базой для решения общих проблем изучения языка художественной литературы – в связи с исследованием закономерностей развития русского литературного языка" [Виноградов 1978: 239] (см. также [Виноградов 1955]). Виноградовские исследования языка А. Ахматовой, М. Зощенко относятся к первому периоду.

Марризм, претендовавший на статус "марксистского языкознания", материал современной русской речи игнорировал. Риторика и как филологическая теория, и как практика не разрабатывалась и была удалена из учебного предмета.

Отношение к разработкам предшествующего периода было соответствующее: они не были востребованы, а часто – запрещены. Так обстояло дело с исследованиями А.М. Селищева и Е.Д. Поливанова. Оба ученых были репрессированы, но А.М. Селищев остался жив и вернулся к филологической работе. Он попытался переработать свою запрещенную книгу, "исправить ошибки", указанные критикой, но в конце концов понял неосуществимость этой задачи [Ашнин, Алпатов 1994: 155]. Его книга была квалифицирована как "клевета на нашу революцию" [Ашнин, Алпатов 1994: 27], "как гнусная клевета на партию, на наших вождей, на комсомол, на революцию" [Ашнин, Алпатов 1994: 152].

Таким образом, культура этого периода избегала и даже запрещала аналитическое самоописание. Это связано с присущей ей своеобразной "магией слова", отождествлявшей знак и денотат. А поскольку любой анализ – это разрушение целостности, аналитическое слово приравнивалось к разрушительному действию. Речь идет не только об обыденном сознании, но обо всей культуре. Вот пример реализации "магии слова" в филологической критике (слова выделены авторами. – А.Р.): «*Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров имели в программе по сбору диалектной лексики неосторожность написать, что новую советскую лексику типа **трактор**, **МТС** записывать не следует, поскольку она приходит из литературного языка сразу во все диалекты и не характеризует их специфику. Бесспорность этого положения очевидна, но Марьямов заявил: "Трудно поверить, что в наши дни, накануне тридцатилетия Великого Октября высказываются подобные мнения, да еще на страницах "Известий Академии наук"*» [Ашнин, Алпатов 1994: 178].

Приведем в заключение характеристики периода 30–50-х годов слова В.Г. Костомарова, "перебрасывающие мостик" к следующему периоду: "В результате к 50-м годам мы пришли с весьма закосневшей и строго насаждавшейся литературной нормой, вполне отвечавшей социально-политической ситуации тоталитарного государства. К концу первого послевоенного десятилетия против нее стали бороться – как своей практикой, так и теоретически – свободомыслящие писатели, и в первых их рядах был К.И. Чуковский" [Костомаров 1994: 248].

**Третий период: 60-е годы.** Филология предыдущего периода "не видела" в качестве объекта исследования советскую словесную культуру, в 60-е годы этот объект был не только "увиден", замечен, но и подвергнут (разумеется, не в полном объеме) и критическому, нормативному, и объективному анализу. Первым заговорил на эту тему К.И. Чуковский в книге "Живой как жизнь" [Чуковский 1990]. Пафос этой книги – критика канцелярита, который связывался, главным образом, с 30-ми годами. Канцелярит у К.И. Чуковского – это не только "болезнь языка", состоящая в употреблении элементов канцелярского стиля за его пределами. Это проблема советской словесной культуры, проявляющаяся и в речемыслительной

деятельности носителей культуры, и в словесности (в ее устройстве, функционировании, стиле). Разбор критики К.И. Чуковским канцелярита см. [Романенко 1997].

Лингвистическое "прояснение" проблемы советской словесной культуры связано, в первую очередь, с именем М.В. Панова, стоявшего "у истоков" московской школы функциональной лингвистики [Земская, Крысин 1998: 1]. В научной деятельности М.В. Панова с точки зрения рассматриваемой проблемы можно выделить два направления (тесно взаимосвязанных, но все же разных): социолингвистическое изучение русского языка советского времени и теоретическое обоснование выделения и изучения разговорной речи.

Первое направление развивало традиции отечественной филологической науки: «Тема "Русский язык и советское общество" была выдвинута академиком В.В. Виноградовым и профессором С.И. Ожеговым в 1958 г.» [Русский язык 1968а: 5]. Эта тема уже получила предварительную разработку в исследованиях С.И. Ожегова [Ожегов 1974], которые, хотя и были выполнены в 50-х годах, по своему пафосу принадлежали рассматриваемому периоду, были одной из его предпосылок (об этом см. [Скворцов 1982: 65–76; 2000]). Коллективную работу над темой возглавил М.В. Панов, обосновав и теоретически разработав принципы социолингвистического исследования материала [Панов 1962; 1963], руководя циклом изданий, описывающих русский язык в связи с историей советского общества [Земская, Крысин 1998]. Главным результатом этой деятельности явился капитальный четырехтомный труд [Русский язык 1968а; 1968б; 1968в; 1968г].

Это исследование по своей научной и культурной значимости вполне сопоставимо с филологической рефлексией 20-х годов, с работами А.М. Селищева и Е.Д. Поливанова. И не случайно авторы монографии постоянно апеллируют к ним. Рассмотрим, во-первых, черты монографии, сближающие ее с рефлексией 20-х, во-вторых, различающие.

Сближает монографию с работами первого периода, и в частности с книгой А.М. Селищева, широкий охват материала: от литературного языка до народных говоров. Такой широкий охват нужен для общей цели: выявить новое качество языка. Авторы не склонны говорить об особом "социалистическом" или "советском" языке. "Но определенное целостное единство всех процессов, протекающих в языке социалистического общества, характерно именно для этого общества" [Русский язык 1968а: 36]. Это значит, что признается культурно детерминированная новизна языка. Пафос исследования и заключается в выявлении такой новизны. В связи с этим пафосу монографии присуща и антипуристическая окрашенность [Русский язык 1968а: 37–39]. Соответственно формулируются и теоретические принципы описания материала. Социальная обусловленность языка проявляется в том, что внутренние, имманентные причины языкового развития не противопоставляются внешним, собственно социальным, наоборот, вслед за В.В. Виноградовым, говорится об их зависимости от внешних, о единстве тех и других [Русский язык 1968а: 35–36]. При этом специально оговаривается условность знака, что сближает методологию работы с взглядами, например, Е.Д. Поливанова и отгораживает ее от теории языка предшествующего периода [Русский язык 1968а: 19]. Эта теоретическая предпосылка дала возможность разработать принципы и приемы структурного описания материала (система антиномий), показать системный детерминизм знака.

Отличия монографии от рефлексии 20-х в следующем. Охват материала все же уже, чем, скажем, у А.М. Селищева (но, разумеется, не только у него). Исследуется только литературный язык, нелитературная, просторечная языковая стихия, в которой новизна также проявлялась, для описания не привлекается. Не привлекается для анализа и речь вождей, партийные и правительственные документы, хотя эта часть словесности была во многом источником новшеств. Это объяснимо различиями в объекте исследования: А.М. Селищев исследовал, как говорилось, не столько язык, сколько речь, в монографии же описывается именно язык, причем не послере-

волюционной эпохи, а современный литературный. Кроме того, были и определенные этические мотивы ограничения материала (например, партийные документы не могли служить лингвистическим источником из-за их ритуальной значимости). Задача описания современного языка была решена социологически, методами опроса информантов – это материал сугубо современный. Впрочем, авторы монографии прекрасно видели необходимость расширения материала и намечали в качестве дальнейших исследований по теме широкое описание речи, и художественной, и нехудожественной [Русский язык 1968а: 49].

Такого рода исследования проводились тогда же. В 1968 году вышел сборник, посвященный исследованию динамики функциональных стилей (разговорного, публицистического, научного, делового) в советскую эпоху [Винокур 1968; Логинова 1968; Сиротинина и др. 1968]. В провинциальных вузах тематика, связанная с изучением русского языка советской эпохи, стала актуальной [Протченко 1975: 5].

Второе направление, связанное с деятельностью М.В. Панова и способствовавшее "прояснению" в качестве объекта советской словесной культуры, это теоретическое обоснование изучения разговорной речи.

В 1967 году М.В. Панов дал социокультурную характеристику понятию разговорной речи, придав ей статус особого языка, противопоставленного литературному письменному по признаку неофициальность/официальность отношений между говорящими [Русская разговорная речь 1973: 22]. Развернутый анализ этого вопроса содержится в его монографии об истории русского произношения, написанной в 60-х, законченной в 1970-м, опубликованной в 1990 году [Панов 1990]. В ней дана и периодизация русского литературного языка советской эпохи, и характеристика советской официальной словесной культуры 30–50-х годов. О последней говорится как о "среднекультурном, сероватом уровне литературной речи", о "однообразно-невнятной речи, (...) с безразличием к стилистическим различиям" [Панов 1990: 16]. Это "нейтральный стиль", на фоне которого выделяется "разговорный язык": "Последние десятилетия – время оказывания языка, перегрузки его штампами, понижения его стилистической гибкости и отзывчивости. Мы говорим не о языке писателей – среди них никогда не исчезали талантливые мастера (но к языку литературы классического социалистического реализма эта характеристика приложима вполне. – А.Р.). Имеется в виду повседневная речь, официальная и полуофициальная. Она заполнила наш быт и полностью господствует в служебных, деловых, общественных и производственных, тем более – официально учрежденных отношениях.

И вполне естественно, что появился противовес этой казенной речи. Возникла особая коммуникативная система: разговорный язык (РЯ). Он противопоставлен кодифицированному литературному языку (КЛЯ), тому языку, который является героем всех учебников, описаний и руководств" [Панов 1990: 19]. Уточним: "герой учебников" (КЛЯ) – это не только канцелярит, о котором здесь идет речь и в "противовес" которому возникает РЯ. КЛЯ шире и используется не только в официальной сфере.

Существенно также отметить, что разграничение проводится в сфере "отношений" носителей, то есть в этосе, а не в логосе: "Всякое разграничение в языке имеет смысл, наделено значением. Значимо и разграничение КЛЯ – РЯ. На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или незнакомых, но расположенных друг к другу людей. Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (или собеседниках), об их отношениях" [Панов 1990: 19]. Пафос этого противопоставления – это пафос и К.И. Чуковского, который закончил книгу о канцелярите словами: "Когда нам удастся уничтожить вконец бюрократические отношения людей, канцелярит сам собою исчезнет" [Чуковский 1990: 651].

РЯ, по М.В. Панову, реализуется прежде всего в устной речи и проявляется лишь при условии отхода от официальности общения. "Именно из-за этой скрытности РЯ

(появляется только в определенных условиях, не способен точно и всесторонне фиксироваться на письме) он долго оставался незамеченным исследователями. Подлинное его открытие произошло в 60-х годах нашего века" (как и официального языкового стандарта, несмотря на его открытость. – А.Р.). Разумеется, РЯ был заслонен канцеляритом, но "незамеченной" оставалась в 30–50-е годы вся советская словесная культура. В 60-х же годах филологи "заметили" РЯ и канцелярит одновременно в результате рефлексивности этого периода истории культуры.

Далее М.В. Панов ставит вопрос: когда возникает РЯ? Анализируя факты отражения живой речи в письменной словесности, он приходит к выводу: «Не говорит ли это о том, что РЯ возник в XX в.? "Накапливался", может быть, долго, но как целостная система он, скорее всего, дитя XX в. Возник в качестве отпора слишком строгой официальной жизни» [Панов 1990: 21]. Таким образом, РЯ как реакция на официальный языковой стандарт (канцелярит) возникает либо одновременно с ним, либо позже. Хотя, конечно, разговорная речь, не имеющая такого социокультурного противопоставления, существовала и раньше. Существует она и сейчас и часто называется разговорным стилем. По этому поводу М.В. Панов делает специальное примечание: «Следует различать: а. Разговорный стиль. Он существует в пределах КЛЯ. Это о нем помета в словарях – "разг." Язык "Горе от ума" – разговорный – это тоже о нем, о стиле. б. Разговорный язык. Существует вне пределов КЛЯ. Вместе с ним образует современный русский язык. О нем мы здесь и говорим» [Панов 1990: 21]. Если не руководствоваться описанным пафосом противопоставления, то подобный же материал можно интерпретировать иначе – не как язык, а как речь. Такой подход реализован в саратовской школе изучения разговорной речи, возникшей также в 60-х годах.

Итак, выделение разговорного языка вызвано антиканцелярским пафосом и проведено по критериям этоса (а не логоса, лингвистическим). Это говорит о том, что данный факт относится не столько к истории литературного языка, сколько к истории советской словесной культуры.

Исследовательская концепция М.В. Панова противостояла нерефлексивной культурной позиции предшествовавшего периода. И, естественно, не могла встретить понимания со стороны представителей этой позиции. Для иллюстрации этого приведем оценку концепции РЯ Ф.П. Филиным, использовавшим для этого характерную лексику своего времени (слова в цитате выделены нами. – А.Р.): «**Некоторые лингвисты** склонны считать неподготовленную разговорно-бытовую речь особым "разговорным языком", имеющим свою самостоятельную систему. Это **явное преувеличение**, которое **доказать невозможно**. Письменно-литературная и разговорно-бытовая разновидности литературного языка органически переплетаются друг с другом, постоянно взаимодействуют, питая и обогащая друг друга, причем **ведущая роль** остается за письменно-литературной разновидностью. Говорим и пишем мы при всех жизненных обстоятельствах на одном, а не на двух литературных языках. **Утверждать обратное – значит превратно толковать** понятия "язык" и "языковая система".

Попутно следует заметить, что вообще **не следует злоупотреблять** термином "язык"» [Русский язык 1974: 118]. В той же работе Ф.П. Филин возражает против термина Е.Д. Поливанова "стандартный язык", обозначающего литературный норматив эпохи: «Однако название "стандартный" **неприемлемо**, по крайней мере, на русской почве, потому что одно из двух значений этого термина – **лишенный оригинальности**, своеобразия; **шаблонный, трафаретный**» [Русский язык 1974: 107]. Нельзя не видеть во взглядах Ф.П. Филина тревоги по поводу возможного "прояснения" канцелярской сущности советского языкового стандарта. Но это реакция на рефлекссию 60-х последующего периода, 70-х.

К 60-м годам нужно отнести и сборник работ о языке советской художественной литературы [Вопросы 1971]. Этот сборник, как и упоминавшийся ранее [Развитие 1968], развивал неразработанное, но намеченное группой М.В. Панова направ-

ление – исследование речи. Н.А. Кожевникова, один из авторов сборника, впоследствии продолжила исследование советской художественной литературы с точки зрения отражения в ее языке особенностей советской словесной культуры [Кожевникова 1971а; 1971б; 1977; 1998].

Филологическая рефлексия этого периода выразилась и лексикографически. Вышел 17-томный толковый словарь (М., 1950–1965), составленный на широком круге источников. Но особую значимость для разбираемой проблемы имеет выход словаря сокращений [Словарь 1963] Д.И. Алексеева и др. Материал этого словаря имеет прямое отношение к проблеме специфики советской словесной культуры и продолжает традицию филологической рефлексии первого периода (словарь П.Х. Спасского).

И наконец, показательны для характеристики 60-х годов публикации сборников трудов Е.Д. Поливанова [Поливанов 1968] и А.М. Селищева [Селищев 1968а], в которых нашли место и работы ученых о языке советской эпохи.

**Четвертый период: 70-е – первая половина 80-х.** Изучение различных аспектов советской словесной культуры в это время не прекратилось, но исследовательская активность 60-х не только не поощрялась, но и осуждалась (имеем в виду не только политическое давление власти, а культурное противодействие).

Так, материалы по теме "Русский язык и советское общество", полученные с помощью вопросников, были использованы лишь частично и работа по их анализу и описанию прекратилась. В 1970 году М.В. Панов был вынужден уйти из Института русского языка [Земская, Крысин 1998: 3]. Его книга по истории русского произношения, завершенная в 1970 году, 20 лет лежала в архиве Института и была опубликована в 1990 году.

Но работа по изучению темы продолжалась, хотя во многом и утратила аналитизм и критичность. Так, монография И.Ф. Протченко [Протченко 1975], содержащая интересный фактический материал, по своей методологии была апологетична, избегала критического анализа языковых фактов, старалась придать их интерпретации пропагандистский характер и поэтому как источник для изучения словесной культуры оказалась малозначимой. Такого рода описаний, в основном, учебного характера, появилось множество.

В качестве же вполне научно достоверных, аналитичных исследований нужно назвать монографии В.Г. Костомарова [Костомаров 1971], Д.Н. Шмелева [Шмелев 1977] и Д.И. Алексеева [Алексеев 1979]. Последний, один из авторов упоминавшегося словаря сокращений (1963 г.), выполнил исчерпывающее описание русских графических сокращений, на фоне которого советские аббревиатуры предстают как факт советской словесной культуры.

Появилось в это время и систематическое нормативное руководство по советской ораторике [Ножин 1981]. Правда, в нем содержались рекомендации общего характера, и советская риторическая практика отражения в нем почти не получила.

Нужно сказать еще об одном важном научном мероприятии этого времени: в 1972 году началась работа по составлению словаря языка Ленина. Изучение языка Ленина не прекращалось в советской филологии, хотя приобрело, по сравнению с 20-ми годами, пропагандистски-идеологический характер. Создание такого словаря было необходимо для исследования советской словесности. Впрочем, работа над словарем приобрела идеологизированный характер, что привело в дальнейшем к закрытию (все же неразумному) темы.

**Пятый период: вторая половина 80-х–90-е годы.** Литература этого периода – это современное состояние вопроса. Несмотря на вал разоблачительных публикаций о советской культуре в массовой печати второй половины 80-х, научная продукция появилась лишь в 90-х годах после осмысления проблемы в изменяющемся на глазах этосе.

В 1990 году вышла уже упоминавшаяся книга об истории русского произношения М.В. Панова. В 1992 году в журнале "Театр" появилась большая статья театрального критика Н. Велеховой "Мистерия русского языка" [Велехова 1992], в которой с поразительной точностью охарактеризованы некоторые принципиально важные черты советской словесной культуры. В 1995 году выходит в свет монография Н.А. Купиной "Тоталитарный язык", в которой на материале толкового словаря под редакций Д.Н. Ушакова описываются закономерности формирования и структурирования "советской" (идеологизированной) семантики. При этом важно, что автор, стараясь описать специфику семантики, не ограничивается языком, а разрабатывает понятие сверхтекста [Купина 1995]. В 1997 году издается в Польше коллективная монография российских лингвистов [Русский язык 1997], в которой описание начинается с 1945 года. Эта дата имеет значение не для истории русского литературного языка, а для истории экспансии советского тоталитаризма (в том числе словесного), но все же это первое описание русского официального языка сталинской эпохи. Важны и интересны также работы менее объемных жанров [Михеев 1991; Нерознак, Горбаневский 1991; Федосюк 1992а; 1992б; Шмелева 1993; 1994; Кронгауз 1994; 1999; Левин 1994; 1998; Басовская 1995; Земская 1996а; 1996б; Крысин 1996а; 1996б; Ермакова 1996; 1997а; 1997б; 2000 (анализ изменений в семантике в связи с изменениями культурными) и др.].

Изучение советской риторики началось раньше. Ю.В. Рождественский охарактеризовал такие существенные черты этой риторики (и словесной культуры в целом), как тенденция к единству семантической информации, устройство речевой жизни общества в соответствии с принципом демократического централизма и др. [Рождественский 1984; 1985; 1996б; 1997; 1999]. В 1996 году А.К. Михальская издает свои книги по риторике [Михальская 1996а; 1996б], в которых (особенно в последней) ставятся проблемы советской словесной культуры и теоретически, и описательно (например, анализ речи Сталина). Особенно интересны разработки понятий риторического идеала и логосферы, близкие понятиям словесной культуры и образа ратора. В 2001 году в России вышла в свет книга М. Вайскопфа "Писатель Сталин" [Вайскопф 2001], в которой впервые анализируется язык и риторика Сталина. Причем автор, хотя и именует Сталина писателем, видит в нем прежде всего ратора, постоянно, кроме индивидуальных черт стиля вождя, отмечая черты культурно и социально значимые.

Нельзя не упомянуть и выход в свет "Толкового словаря языка Совдепии" В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 1998]. Однако научная значимость этого издания сомнительна: принципы формирования словника основаны не на анализе материала и не на следовании русской лексикографической традиции, а на пафосе сегодняшней массовой информации; источниками для словаря послужила словесность, в основном, 60–90-х годов; среди источников лингвистических нет даже книги А.М. Селищева; сами толкования значений, когда они выходят за пределы использованных словарей, мягко говоря, непрофессиональны (см., например, статью "Новояз").

Важны для понимания специфики советской словесной культуры и исследования по истории советского языкознания, особенно по истории "марксистского языкознания", тем более что эти проблемы имели общекультурное значение в связи с ролью в их разработке Сталина. Эту тему, насколько нам известно, начал В.А. Звегинцев [Звегинцев (1989) 2001]. В 1991 году появляются книги по истории марризма и его сталинской критики [Горбаневский 1991 (популярная); Алпатов 1991]. В.М. Алпатов продолжил эту тему [Алпатов 1992; 1994; 1995; Алпатов, Ашнин 1994]. В 2001 году вышла очень важная для исследования истории советской лингвистики антология под редакцией В.П. Нерознака [Сумерки лингвистики 2001].

Проблемы советской словесной культуры затрагиваются и в работах литературоведческого, культуроведческого, исторического характера. Назовем лишь те, без которых история советской словесной культуры была бы неполна. Это литературо-



ведческие работы В Н Турбина, Е А Добренко, М О Чудаковой [Турбин 1990, 1994, Добренко 1993, 1997, 1999, Чудакова 2001]

Принципиально важна монография В З Паперного «Культура "Два"» [Паперный 1996] Она была написана в 70-х годах, опубликована за рубежом в 1985, в России – в 1996 году В З Паперный впервые показал гетерогенность и динамичность советской культуры (вопреки установившемуся в культуроведении взгляду на монолитность и монологизм тоталитаризма)

Особую значимость для исследования советской словесной культуры имеет монография В В Глебкина "Ритуал в советской культуре" [Глебкин 1998] Разрабатываемое автором понятие экзистенциала (не в смысле М Хайдеггера) показывает культурно-семиотическую осмысленность советского ритуала (отграничивая его от церемонии), что чрезвычайно важно для характеристики речевого поведения советского человека, для понимания советского образа ратора Одну из задач исследования В В Глебкин формулирует так «Нас ( ) интересует "советский человек" – "идеальный носитель" советской культуры, реконструируемый по ее письменным источникам, то есть по газетным и журнальным материалам Подчеркнем, что речь идет об "идеальном типе" советского человека, а не о реальной картине, которая была значительно более сложной и соответствовала "идеальному типу" лишь в первом приближении» [Глебкин 1998 112] Это, разумеется, образ ратора В В Глебкин весьма плодотворно использует для анализа своего материала понятия потенциального текста и симпрактической культуры

Чрезвычайно ценна работа историков по публикации неизвестных архивных материалов [Литературный фронт 1994, История 1997, Общество и власть 1998, Власть 1999 и др ]

Таким образом, изложенная история изучения советской словесной культуры показывает непосредственную связь общественно-языковой практики и теории языка, которую необходимо учитывать при изучении как истории науки, так и истории словесной культуры В советской истории эта связь проявилась, по-видимому, особенно четко, что, безусловно, зависело от авторитаризма и тоталитаризма культуры Но, заметим, не исчерпывалось этим обстоятельством

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Д И 1979 – Сокращенные слова в русском языке Саратов, 1979
- Алпатов В М 1991 – История одного мифа Марр и марризм М, 1991
- Алпатов В М 1992 – Марксизм и марризм (заметки неисторика) // Восток 1992 № 3
- Алпатов В М 1994 – Общественное сознание и языковая политика в СССР (20–40 гг ) // Язык в контексте общественного развития М, 1994
- Алпатов В М 1995 – Книга Марксизм и философия языка и история языкознания // ВЯ 1995 № 5
- Ашин Ф Д, Алпатов В М 1994 – Дело славистов 30-е годы М, 1994
- Баранников А 1919 – Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы 1 Влияние войны и революции на развитие русского языка // Уч зап Самарского ун-та 1919 Вып 2
- Басовская Е Н 1995 – Художественный вымысел Оруэлла и реальный советский язык // РР 1995 № 4
- Вайскопф М 2001 – Писатель Сталин М, 2001
- Велехова Н 1992 – Мистерия русского языка // Театр 1992 № 9
- Верховской П В 1930 – Письменная деловая речь Словарь, синтаксис и стиль Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов М, 1930
- Виноградов В В 1928 – Язык Зоценки (заметки о лексике) // Михаил Зоценко Статьи и материалы Л 1928
- Виноградов В В 1955 – Заметки о языке советских художественных произведений // Вопросы культуры речи М, 1955 Вып 1
- Виноградов В В 1978 – История русских лингвистических учений М, 1978

- Виноградов В В 1980 – О языке художественной прозы Избранные труды М , 1980
- Винокур Г О 1923 – О революционной фразеологии (один из вопросов языковой политики) // ЛЕФ 1923 № 2
- Винокур Г О 1925 – Культура языка Очерки лингвистической технологии М , 1925
- Винокур Г О 1928а – Печать и революция 1928 Кн 2 Рец – Селищев А М Язык революционной эпохи Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) М , 1928
- Винокур Г О 1928б – Глагол или имя? // Русская речь Новая серия Л , 1928 III
- Винокур Г О 1945 – Русский язык М , 1945
- Винокур Т Г 1968 – Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей современного русского языка М , 1968
- Власть 1999 – Власть и художественная интеллигенция Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 М , 1999
- Вопросы 1971 – Вопросы языка современной русской литературы М , 1971
- Габо В 1924 – Новые слова в русском языке // Русский язык в советской школе 1924 № 5
- Георгиади Я 1929 – Ценный материал, но плохо использован // Вопросы просвещения на Северном Кавказе 1929 Кн 14
- Голькин В В 1998 – Ритуал в советской культуре М , 1998
- Гольдин В Е , Сиротинина О Б 1997 – Речевая культура // Русский язык Энциклопедия М , 1997
- Горбаневский М В 1991 – В начале было слово Малоизвестные страницы истории советской лингвистики М , 1991
- Горнфельд А Г 1922 – Новые словечки и старые слова Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г Пг , 1922
- Гофман В 1932 – Слово оратора (Риторика и политика) Л , 1932
- Гофман В 1935а – Реторика, или риторика // Литературная энциклопедия М , 1935 Т 9
- Гофман В 1935б – Речь ораторская // Литературная энциклопедия М , 1935 Т 9
- Граудина Л К Миськевич Г И 1989 – Теория и практика русского красноречия М , 1989
- Гус М 1929 – О вреде бюрократического языка // Журналист 1929 № 4
- Гус М 1931 – Принципы рационализации делового языка // Революция и язык 1931 № 1
- Гус М Загорянский Ю Каганович Н 1926 – Язык газеты М , 1926
- Данилов Г К 1929 – Программа по собиранию материалов для словаря русского рабочего послеоктябрьской эпохи (1917–1929) М , 1929
- Делерт Д 1924 – Новые имена Ростов на-Дону, 1924
- Добренко Е 1993 – Метафора власти Литература сталинской эпохи в историческом освещении Munchen, 1993
- Добренко Е 1997 – Формовка советского читателя Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы СПб , 1997
- Добренко Е 1999 – Формовка советского писателя Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры СПб , 1999
- Добромыслов В А 1932 – К вопросу о языке рабочего подростка М , 1932
- Дрезен Э К 1928 – За всеобщим языком (Три века исканий) С предисл Н Я Марра М Л , 1928
- Дрезен Э 1933 – Языки контрреволюции Реакционные теории в современной космоглотике // Новые проблемы языкознания М 1933
- Ермакова О П 1996 – Глава I Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) М , 1996
- Ермакови О П 1997а – Советская экономика и быт в семантике слов // Studia slavica Finlandensia Т XIV Оценка в современном русском языке Helsinki, 1997
- Ермакова О П 1997б – Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык Opole, 1997
- Ермакова О П 2000 – Новые семантические оппозиции старых названий лиц // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред Н А Купиной Екатеринбург, 2000
- Звезинцев В А 2001 – Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики Из истории отечественного языкознания Антология М , 2001
- Земская Е А 1996а – Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) М , 1996

- Земская Е А* 1996б – Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // ВЯ 1996 № 3
- Земская Е А , Крысин Л П* 1998 – Московская школа функциональной социолингвистики Итоги и перспективы исследований М, 1998
- История* 1997 – История советской политической цензуры Документы и комментарии М, 1997
- Казанский Б* 1924 – Речь Ленина Опыт риторического анализа // ЛЕФ 1924 № 1 (5)
- Капорский С А* 1927 – Воровской жаргон в среде школьников (по материалам обследований ярославских школ) // Вестник просвещения 1927 № 1
- Карцевский С И* 2000 – Из лингвистического наследия М, 2000
- Кожевникова Н А* 1971а – О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы М, 1971
- Кожевникова Н А* 1971б – Отражение функциональных стилей в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы М, 1971
- Кожевникова Н А* 1977 – Из истории языка советской литературы // Облик слова Сб статей М, 1997
- Кожевникова Н А* 1998 – Язык советского общества в изображении М А Булгакова // Лики языка К 45-летию научной деятельности Е А Земской М, 1998
- Кожин А Н* 1963 – Из истории изучения развития словарного состава русского языка в советском обществе // Уч зап МОПИ 1963 Т 138 Вып 8
- Корицкий Э Б , Лавриков Ю А Омаров А М* 1990 – Советская управленческая мысль 20-х годов Краткий именной справочник М, 1990
- Костомаров В Г* 1971 – Русский язык на газетной полосе М, 1971
- Костомаров В Г* 1994 – Языковой вкус эпохи Из наблюдений над речевой практикой масс медиа М, 1994
- Кронгауз М А* 1994 – Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак Сб статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А Н Журина М, 1994
- Кронгауз М А* 1999 – Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка Образ человека в культуре и языке М, 1999
- Крысин Л П* 1996а – Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика Стилистика Язык и культура Памяти Татьяны Григорьевны Винокур М, 1996
- Крысин Л П* 1996б – Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) М, 1996
- Купина Н А* 1995 – Тоталитарный язык Словарь и речевые реакции Екатеринбург, Пермь, 1995
- Купина Н А* 1999 – Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры Екатеринбург, 1999
- Ларин Б А* 1928 – О лингвистическом изучении города // Русская речь Новая серия Л, 1928 III
- Левин Ю И* 1994 – Истина в дискурсе // Семиотика и информатика М, 1994
- Левин Ю И* 1998 – Семиотика советских лозунгов // Левин Ю И Избранные труды Поэтика Семиотика М, 1998
- Леонтьев А А* 1968 – Исследования поэтической речи // Теоретические проблемы советского языкознания М, 1968
- Литературный фронт* 1994 – Литературный фронт История политической цензуры 1932–1946 гг Сборник документов М, 1994
- Лихачев Д С* 1993 – Статьи ранних лет Тверь, 1993
- Лобов Л* 1928 – Просвещение на Урале 1928 № 4 Рец – Селищев А М Язык революционной эпохи Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)
- Логинова К А* 1968 – Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка М, 1968
- Лупова Е П* 1927 – Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края // Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения 1927 Т III
- Меромский А Г* 1930 – Язык селькора М, 1930
- Мещерский Н А* 1981 – История русского литературного языка Л, 1981
- Миртов А В* 1924 – Техника доклада Артемовск, 1924

- Миртов А В 1927 – Уменье говорить публично М, 1927
- Миртов А В 1930 – Об агитации и пропаганде Ростов-на-Дону 1930
- Михальская А К 1996а – Основы риторики Мысль и слово М, 1996
- Михальская А К 1996б – Русский Сократ Лекции по сравнительно-исторической риторике М, 1996
- Михеев А 1991 – Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР 1991 № 8
- Мокиенко В М, Никитина Т Г 1998 – Толковый словарь языка Совдепии СПб, 1998
- Нерознак В П Горбаневский М В 1991 – Советский "новояз" на географической карте (О штампах и стереотипах речевого мышления) М, 1991
- Ножин Е А 1981 – Основы советского ораторского искусства М., 1981
- Общество и власть 1998 – Общество и власть 1930-е годы Повествование в документах М 1998
- Одесский М П 1999 – Вокруг полемики Г О Винокура и А М Селищева научный и социальный аспекты // Язык Культура Гуманитарное знание Научное наследие Г О Винокура и современность М, 1999
- Ожегов С И 1974 – Лексикология Лексикография Культура речи М, 1974
- Ольгин А 1928 – Изучение языка // Журналист 1928 № 1
- Панов М В 1962 – О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // ВЯ 1962 № 3
- Панов М В 1963 – О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // ВЯ 1963 № 1
- Панов М В 1990 – История русского литературного произношения XVIII–XX вв М, 1990
- Паперный В 1996 – Культура Два М, 1996
- Пешиковский А М 1925 – Сборник статей Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика Л, М, 1925
- Поливанов Е Д 1927 – О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе М, 1927 Сб 1
- Поливанов Е Д 1928 – Родной язык и литература в трудовой школе 1928 № 3 Рец – Селищев А М Язык революционной эпохи Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) М, 1928
- Поливанов Е Д 1931 – За марксистское языкознание Сборник популярных лингвистических статей М, 1931
- Поливанов Е Д 1968 – Статьи по общему языкознанию М, 1968
- Поливанов Е Д 1991 – Труды по восточному и общему языкознанию М, 1991
- Протченко И Ф 1975 – Лексика и словообразование русского языка советской эпохи Социолнгвистический аспект М, 1975
- Развитие 1968 – Развитие функциональных стилей современного русского языка М, 1968
- Рево Л 1933 – Международный язык – орудие борьбы за единство рабочего класса // На путях к международному языку М, Л 1933
- Рожанский А 1935 – За коммунистическое просвещение 1935 22 янв Рец – Селищев А М Язык революционной эпохи Из наблюдений над русским языком последних лет М, 1928
- Рождественский Ю В 1984 – Актуальные проблемы социалистической советской риторики // Риторика и стиль М, 1984
- Рождественский Ю В 1985 – Слово в нашей жизни // Вопросы лекционной пропаганды М, 1985 Вып 9
- Рождественский Ю В 1996а – Введение в культуроведение М, 1996
- Рождественский Ю В 1996б – Общая филология М, 1996
- Рождественский Ю В 1997 – Теория риторики М, 1997
- Рождественский Ю В 1999 – Принципы современной риторики М, 1999
- Романенко А П 1997 – Канцелярит риторический аспект (О книге К И Чуковского Живое как жизнь) // Риторика 1997 № 1 (4)
- Романенко А П 2000 – Советская словесная культура образ риторика Саратов, 2000
- Романенко А П 2001 – Советская философия языка Е Д Поливанов – Н Я Марр // ВЯ 2001 № 2
- Русская разговорная речь 1973 – Русская разговорная речь М, 1973
- Русский язык 1997 – Русский язык Opole, 1997

- Русский язык 1974 – Русский язык в современном мире М, 1974
- Русский язык 1962 – Русский язык и советское общество Проспект Авторы С И Ожегов, М В Панов Алма-Ата, 1962
- Русский язык 1968а – Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) Лексика современного русского литературного языка / Под ред М В Панова М, 1968
- Русский язык 1968б – Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) Словообразование современного русского литературного языка / Под ред М В Панова М, 1968
- Русский язык 1968в – Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред М В Панова М, 1968
- Русский язык 1968г – Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) Фонетика современного русского литературного языка Народные говоры / Под ред М В Панова М, 1968
- Рыбникова М А 1937 – Введение в стилистику М, 1937
- Рыт Е М 1936 – Ленин о языке и язык Ленина М, 1936
- Селищев А М 1928 – Язык революционной эпохи Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) М, 1928
- Селищев А М 1968а – Избранные труды М, 1968
- Селищев А М 1968б – Революция и язык // Селищев А М Избранные труды М, 1968
- Селищев А М 1968в – Выразительность и образность языка революционной эпохи // Селищев А М Избранные труды М, 1968
- Сиротинина О Б и др 1968 – Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка М, 1968
- Скворцов Л И 1982 – С И Ожегов Пособие для учащихся М, 1982
- Скворцов Л И 1987 – О языке первых лет Октября // РР 1987 № 5
- Скворцов Л И 2000 – Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь (к 100-летию со дня рождения) // ВЯ 2000 № 5
- Словарь 1949 – Словарь русского языка / Сост С И Ожегов М, 1949
- Словарь 1924 – Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов / Под ред П Х Спасского II Новгород, 1924
- Словарь 1963 – Словарь сокращений русского языка 12 500 сокращений / Под рук Д И Алексеева Под общей ред Б Ф Корицкого М, 1963
- Суворовский А М 1926 – Язык труда Ярославль, 1926
- Сумерки лингвистики 2001 – Сумерки лингвистики Из истории отечественного языкознания Антология / Составление и комментарии В Н Базылева, В П Нерознака М, 2001
- Сычев О А 1995 – Избранные отечественные публикации по проблемам риторики за 1790–1927 годы // Риторика 1995 № 2
- Толковый словарь 1996 – Толковый словарь русского языка В 4 т / Под ред проф Д Н Ушакова М, 1996
- Турбин В Н 1990 – Прощай, эпос? Опыт эстетического осмысления прожитых нами лет М, 1990
- Турбин В Н 1994 – Незадолго до Водолея М, 1994
- Успенский Л В 1928 – Язык революции // Пять искусств Л, 1928
- Федосюк М Ю 1992а – Выявление приемов демагогической риторики как компонент полемического искусства // Тезисы научной конференции 'Риторика в развитии человека и общества' Пермь, 1992
- Федосюк М Ю 1992б – Лингвистические признаки демагогических текстов // Теория текста Лингвистический и стилистический аспекты Екатеринбург, 1992
- Финкель А 1925 – О языке и стиле В И Ленина Харьков, 1925 Вып 1
- Черных П Я 1923 – О новых словах // Этнографический бюллетень Иркутск, 1923 № 3
- Черных П Я 1929 – 1 Современные течения в лингвистике 2 Русский язык и революция Иркутск, 1929
- Чистяков В Ф 1935 – К изучению языка колхозника Смоленск, 1935
- Чудакова М О 2001 – Избранные работы Т 1 Литература советского прошлого М, 2001
- Чуковский К И 1990 – Живой как жизнь // Чуковский К Сочинения в двух томах М, 1990 Т 1

- Шмелев Д Н* 1977 – Русский язык в его функциональных разновидностях М , 1977
- Шмелева Т В* 1993 – Ключевые слова текущего момента // Collegium 1993 № 1
- Шмелева Т В* 1994 – Жанровая система политического общения // Политическое поведение и политические коммуникации Психологические, социологические и филологические аспекты Тезисы и тексты докладов российско-американской конференции Красноярск, 1994
- Шпильрейн И Н* 1929 – О перемене фамилий (социально-психологический этюд) // Психотехника и психофизиология труда 1929 II
- Шпильрейн И Н , Рейтынбарг Д И , Нецкий Г О* 1928 – Язык красноармейца Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона М , Л , 1928
- Шор Р О* 1926 – Язык и общество М , 1926
- Шерба Л В* 1925 – Культура языка // Журналист 1925 № 2
- Эйхенбаум Б* 1924 – Основные стилевые тенденции в речи Ленина // ЛЕФ 1924 № 1 (5)
- Якубинский Л П* 1924 – О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ 1924 № 1 (5)
- Якубинский Л П* 1926 – Ленин о революционной фразе и смежных явлениях // Печать и революция 1926 № 3
- Якубинский Л П* 1931 – Классовый состав современного русского языка // Литературная учеба 1931 № 7